

ЭДВАРД ШУЛУС

АВТОМАТ, СТРЕЛЯВШИЙ В ЛИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдвард Шулуc

Автомат, стрелявший в лица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43312263

SelfPub; 2020

Аннотация

Можно ли выжить в каменных джунглях без автомата в руках? Марк решает, что нельзя. Ему нужно оружие против этого тоскливого серого города...

Содержание

1	4
2	5
3	13
4	17
5	18
6	23
7	35
8	39
9	40
10	47
11	56
12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

1

«Я буду стрелять в их лица. Я изрешечу все до единой физиономии. Я не оставлю ни одной головы целой», – записал в блокнот Марк.

Он положил ручку и нервно забарабанил пальцами по столу. У него снова случился приступ. Мысли, начавшие вдруг ежесекундно рождаться в его сознании, набросились друг на друга и залаяли, как бешеные собаки, так что он никак не мог понять, какую из них ему следует перенести на бумагу. Он ударял пальцами по дереву все чаще и все сильнее, а мысли, продолжавшие рычать и брехать, мешали ему думать. Сгорбившись, Марк уткнулся головой в стол. Свет настольной лампы едва-едва распылял черноту, вставшую во весь рост от пола до потолка, так что со стороны могло запросто показаться, что он вместе с мебелью летит в черную бесконечную бездну. Наконец его мозг родил то, что годилось для записи, и тогда он, взмокший от пота, вернулся к письму.

«Мне нужен автомат. Такой, который не даст осечки. Такой, чтобы я мог в пух и прах разбить их отвратительные физиономии, ведь они заслужили смерти. Люди устали от этих подлецов, и я должен им помочь избавиться от них раз и навсегда», – дописав последнее предложение, Марк закрыл блокнот и убрал его в верхний ящик письменного стола.

2

– Алло, – раздалось в телефонной трубке.

– Привет, Макс.

– Привет. Как жизнь?

– Нормально, – ответил Марк и сразу спросил, – а у тебя?

– Все пучком.

– Слушай, тут такое дело... – запнувшись, начал Марк. Он

быстро прокрутил в уме несколько вариантов своей просьбы и остановился в итоге на том, что пришел ему в голову первым. – Короче мне нужен автомат. Ты ведь сможешь достать? Я заплачу, сколько надо.

– Эм... – немного погодя родил в ответ Макс, после чего добавил. – Приезжай ко мне. Такие вопросы по телефону не решаются.

– Хорошо. Буду у тебя через час.

– Давай, жду, – и в трубке зазвучали монотонные гудки.

Марк вышел из дома. Над ним висело мрачное осеннее небо. Под мрачным небом росли мрачные деревья, сбросившие уже почти всю листву. По мрачным улицам мимо мрачных деревьев спешили мрачные люди, возвращавшиеся со своих мрачных работ. Там они в течение целого дня, как крохотные угольки, тлели у офисных мониторов и теперь как можно скорее торопились вернуться в мрачные холод-

ные кровати на заслуженный отдых. И завтра все повторится. Утро. Завтрак. Дорога. Деревья и грязная опавшая листва под ногами. Транспорт. Работа. Эта кошмарная восьмичасовая молотилка. А после снова дорога. И снова транспорт. И еще больше желтых листьев под ногами, нападавших за день, что прошел зазря. Ужин. Кровать. Сон. Марк не хотел думать об этом, но люди вокруг нагоняли жуткую тоску. Внезапно пошел дождь, и чтобы не намокнуть, он побежал к автобусной остановке.

Марк сел в автобус, шедший по маршруту номер двенадцать. Он с трудом протиснулся меж двух толстых женщин и пробрался в самую глубь салона. Все места оказались заняты, так что пришлось стоять. Людей оказалось слишком много, так что пришлось стоять в тесноте. За окном продолжало лить, как из ведра, а в салоне пахло сыростью и мокрой одеждой. Марк оглядел других пассажиров. Снулые, серые, угрюмые. Одним словом, уставшие. Уставшие от длинного рабочего дня. Уставшие от мысли о дне завтрашнем. Кто-то дремал стоя, кто-то читал старую газету, ну, или делал вид, что читает. А Марк думал об автомате, который все это исправит.

«Я буду стрелять в их лица. Я изрешечу все до единой физиономии. Я не оставлю ни одной головы целой».

В какой-то момент переполненный автобус встал в пробку, и время потекло совсем уж медленно. Со всех сторон сиг-

налили автомобили, будто это могло ускорить рассасывание дорожного тромба. Автобус только трогался с места и тут же резко тормозил, так что спавшие стоя едва ли не падали на соседей. Он полз по мокрому асфальту с улиточной скоростью, преодолевая миллиметр за миллиметром. Впереди сотня машин. Позади сотня машин. Нескончаемое металлическое месиво. А все из-за того, что слишком много людей пыталось добраться до дома. Завтрашним утром такое же их количество будет пытаться добраться до работы. И они снова будут сигналить, спать стоя, читать старые газеты, проклиная весь белый свет за то, что дорожная полоса слишком узкая, а автомобилей слишком много. Вот он во всей своей красе город вечных пробок, уставших людей и грязного тяжелого воздуха. Марк успел вспотеть за то время, пока автобус преодолевал жалкие пятьдесят метров до поворота. Вот транспорт свернул с перегруженной автомагистрали и тогда заметно прибавил ход. И пассажиры заметно оживились. Кто-то зевнул, пробудившись ото сна, кто-то, приосанившись, убрал в сумку сложенную пополам газету. Наконец объявили нужную Марку остановку, и он сразу поспешил к выходу.

Марк стоял на лестничной клетке первого этажа и давил большим пальцем на дверной звонок. Спустя мгновение щелкнул замок, и дверь открылась. На пороге вырисовалась фигура Макса. Он сразу протянул руку.

– Привет. Проходи на кухню, я как раз ужин готовлю.

– Привет, – ответил Марк, почувствовав, как заурчал его живот.

На кухне стояла духота. На грязной залитой чем-то плите кипела переваренная картошка. От кастрюли шел пар, так что все окна запотели. А из раковины летели брызги холодной воды. Там под мощной струей лежала пустая стеклянная бутылка из-под пива.

– Зачем тебе автомат, я лучше спрашивать не стану, – доставая из холодильника пакет молока, сказал Макс. – Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

– Да ничего особенного, – соврал Марк.

– Ладно, меня это в любом случае не касается. К тому же я и в самом деле хочу крепко спать, а не переживать из-за всяких там пустяков. А ты, кстати, нашел работу?

– Нет. И не искал, по правде говоря, но деньги на оружие у меня есть, если ты об этом.

– Точно?

– Конечно! Стал бы я тебе врать! Вот! – и Марк достал из кармана пачку денежных купюр.

– Отлично. Автомат будет у меня через три, максимум четыре дня, – ответил Макс. Он подошел к раковине, выключил воду, взял пивную бутылку и с легкостью содрал с нее этикетку.

– Зачем тебе это?

– Сейчас увидишь, – Макс перешел к плите, снял с огня

кастрюлю и слил воду, затем подлил в нее немного молока, после чего принялся толочь картошку доньшком очищенной бутылки.

Картофельная субстанция зачавкала, как болотная жижа, насилуемая парой сапог. Бутылка ходила вверх-вниз, картофелины расплющивались и впитывали в себя молоко. Когда с картошкой было покончено, Макс порубил ножом мясной паштет, вывалил его в кастрюлю и перемешал.

– Готово, – сказал он, попробовав на вкус то, что получилось. – Можно есть.

Они взяли тарелки и вилки и принялись за еду.

– А у тебя самого как с работой? – поинтересовался Марк.

– Никак. Я за деда пенсию получаю, хотя он уже как полгода назад помер.

– Мда, ты всегда умел из любой неприятности выжать максимум выгоды, так что я ничуть не удивлен.

– Но! – подняв вилку, прервал друга Макс. – Я подумываю о том, чтобы пойти выучиться на патологоанатома.

– Фу, – скривил лицо Марк. – Рыться в человеческих кишках?

– А что тут такого? Патологоанатом роется в человеческих кишках точно так же, как рудокоп – в земле, или маклер – в бумажных кипах.

– Зная тебя, могу с уверенностью сказать, что это не твое.

– Считаешь?

– Уверен. Да и не поздновато ли тебе учиться?

– Может и поздновато, – пожал плечами Макс. Он взял сигарету и покрутил ее в пальцах. – А еще я пробую себя в стихосложении!

– Шутишь?

– Нет. Погоди минутку, – он начал выбираться из-за стола и с грохотом опрокинул табуретку, поднял ее и зацепил висевший на дверной ручке пакет с пустыми бутылками, которые издали характерный стеклянный звон. Потом он ушел в другую комнату и совсем скоро вернулся с листком бумаги в руках. – Вот. Нашел. Слушай.

«Детектив заселился в гостиницу.

Детектив заказал обед.

Детективу подали тарелку супа.

Детектив в ней увидел муху.

Детектив из вежливости не подал виду.

Детектив отведал принесенное блюдо.

Детектив проглотил муху.

Детектив подавился.

Вежливый детектив умер».

– По-моему, это какая-то мудистика, а не стихи, – признался Марк.

– Просто ты ничего не понимаешь! Это верлибр! – Макс подпалил бумажный лист и закурил от него.

– Ну, сжигать-то не обязательно было.

– Не волнуйся, это был всего лишь черновик.

– Тогда я спокоен за твое поэтическое будущее, – Марк

доел пюре и отодвинул тарелку в сторону. – Мне-то, надеюсь, ты муху в еду не подкинул?

– Надейся-надейся, – засмеялся Макс, изобразив бросок крылатого насекомого.

– Очень смешно, Черепаха бы посмеялся с твоей шутки, но не я... про него, кстати, слышно что-нибудь?

– Он два месяца назад женился.

– Ничего себе, – удивился Марк. – Я и не знал. Мог бы и на свадьбу пригласить.

– Не парься, он и меня не позвал. Такие как мы испортили бы картинку всего празднества. А месяц назад у него родился сын.

Марк, ничего не произнеся, только присвистнул, оставив вперед челюсть.

– Да-да, влип в общем, – закивал Макс. – С головой бедняга нырнул в муки супружества. Теперь, как улитка в раковине, сидит в своей конторке с утра до ночи, чтобы заработать хоть какую-то копейку.

– Напиши об этом тоже стих.

– Тема действительно подходящая. Как-нибудь обязательно сделаю. И назову: «Непростая судьба Черепахи». А как твой брат поживает?

– А как, по-твоему, может поживать человек, которого содержат в психлечебнице?

– Наверное, неважно.

– Это еще мягко говоря. Порою мне кажется, что у него

уже окончательно сорвало чердак.

– Как будешь у него, передавай от меня привет.

– Обязательно, – ответил Марк. – Ладно, пойду я. Поздно уже.

– Ага, давай. Через три дня, в общем. Максимум четыре.

– Понял.

3

От духоты, стоявшей в комнате, Марк проснулся, не дождавшись рассвета. Он лениво протер глаза и повернул голову направо. Фосфоресцирующие стрелки часов показывали три ночи. На улице бил обломный дождь, и темнота в комнате десятикратно усиливала его шум. Марк лежал на боку и смотрел на стену. Сперва просто лежал, а затем в его сознании родилась первая мысль.

«Какие же паршивые обои».

Обои, и в самом деле паршивые, изображали маковое поле, от вида которого его уже тошнило. За первой мыслью последовала вторая.

«Какая же паршивая жизнь! И почему я не кто-то другой и не лежу в другой кровати и не смотрю на другие обои? Не столь паршивые как эти».

Затем возникла третья мысль.

«И когда только наша планета уже упадет на солнце? Интересно, как быстро она бы расплавилась?»

Потом из черной пустоты образовалась четвертая мысль, и ее вдруг зажевало, как магнитофонную ленту.

«Но они не останутся в стороне! За то время, пока земля будет сходиться со своей орбиты, они успеют сделать несчастными еще миллионы людей. Эти подлецы не остановятся ни перед чем. Не остановятся! Не остановятся! Не остановят-

ся!».

Мысли, что хуже свинцовых пуль, заполнили все сознание. Пиф-паф – и вот голову уже разрывало изнутри. В ней как будто поселилась целая тысяча микролюдей, отстроивших себе там город, который теперь неустанно гудел, шумел и стучал.

«Не остановятся! Не остановятся! Не остановятся!».

Марк вскочил с кровати и весь в поту от напряжения зашагал из одного угла комнаты в другой.

– Надо собраться! Надо собраться! – наставлял он сам себя на путь истинный, но как же трудно собраться, когда в голове мелькают глупые навязчивые мысли.

«Не остановятся! Не остановятся! Не остановятся! Они ни перед чем и никогда не остановятся. Они сделают несчастными еще миллионы людей».

Замерев посреди комнаты, Марк вдруг бросился в сторону, уселся на стул, достал из ящика блокнот, раскрыл его и взял письменную ручку. Затем включил настольную лампу, которая тотчас расплескала лужицу желтого света на столе, и сделал запись вверху страницы: «Прикончить их всех».

«Первым будет Толстяк! За ним Старик! Потом Мрачный Человек! Брюнетка! Расстреляю их всех! Раздавлю! Отомщу! За отца! За мать! За брата! За всю свою жизнь! Избавлю планету от этих подлецов, мерзавцев и негодяев!»

Слова, выходявшие из-под пера, вселяли уверенность, успокаивали и умиротворяли, и когда, казалось, мысли окон-

чательно пришли в порядок, неожиданно зазвенела батарея, которая опять привнесла хаос и сумятицу в сознание Марка. По батарее ударяли через равные промежутки времени, и от этого звука на душе становилось очень и очень тревожно. Грохочущие отзвуки, батарейные стенания, металлические завывания вновь принялись рвать голову Марка на части. И тогда он в бешенстве закричал.

– Почему она не перестанет стучать? Неужели соседи не слышат? Неужели ее родители не слышат? Неужели никто кроме меня не слышит?

Удар за ударом. Удар за ударом. Через равные промежутки времени. Удар за ударом. Удар за ударом. Через равные промежутки времени. Это походило на какое-то сумасшествие. Три часа ночи. Рой беспокойных мыслей, жужжащих и жалящих в самый мозг. Громыхание батареи. Тревога. Усталость. Отчаяние.

– Перестань стучать, мерзкая Девчонка! Перестань звенеть у меня в голове. Дай мне возможность все спокойно обдумать.

Звон батареи, громкий и пронзительный, окончательно сбил и запутал мысли Марка. Тогда он поднялся из-за стола и принялся ходить взад-вперед по комнате, пытаясь собрать воедино обрывки разрушенных, разорванных на части идей. Он все метался от стенки к стенке, проговаривая вслух раз за разом то, что ему нужно будет сделать.

– Прикончить их всех. Прикончить их всех. Прикончить

их всех. Прикончить их всех. Прикончить их всех. Прикончить их всех. Прикончить их всех.

Спустя час, обессиленный, со слезящимися от усталости глазами он рухнул на кровать и сразу же уснул.

Тревога, успокаиваемая лишь сном, наконец прошла. И по батарее больше никто не стучал.

4

Из истории пациента.

Врач. И часто с вами происходило такое, что вы не могли контролировать собственные мысли?

Марк. Часто.

Врач. Насколько часто?

Марк. Каждый день.

Врач. Это вам сильно мешало?

Марк. Когда как. По-разному.

Врач. А удары по батарее кто-нибудь кроме вас еще слышал?

Марк. По-моему, никто.

Настало утро. Еще одно.

– Проснулся, – с горечью констатировал Марк, сбросив с себя одеяло и лениво потянувшись.

Некоторое время он просто лежал в кровати, прокручивая в уме свой ночной припадок. Подобные припадки заметно участились за последний месяц, и Марк никак не мог взять в толк, за что его так невзлюбила Девчонка с нижнего этажа. Что он ей такого сделал, что она каждый день и каждую ночь стучала по батарее, не давая ему никакого покоя. Это походило на безумство. Даже сейчас, просто думая о ней, Марк вдруг ощутил, что в него будто бы проникает какая-то скверна. В затылке забило – черная чернота пыталась забраться ему в голову. Ему снова, как ночью, стало невыносимо жарко, и чтобы освежиться и придти в себя, он рывком поднялся с кровати, подбежал к окну и настежь распахнул его. В комнату ворвался холодный ветер вместе с криками барагозвивших внизу людей.

С криков, с гула и грохота, режущих слух, здесь начиналось каждое утро. Типичное утро типичного панельного двора. Вот и в этот ранний час у подъезда дома сцепились двое местных обитателей, которые необычайно громко решали, чья машина должна выехать со стоянки первой. Один кричал, что его автомобиль имеет преимущество перед всеми

остальными, поскольку тот дороже и новее, второй же утверждал, что цена авто тут не играет никакой роли и лишь водительский стаж имеет значение. Они голосили, топая ногами и размахивая руками, как две обезьяны в зоопарке. Молодой и богатый иногда грозил кулаком, старый и опытный – двумя кулаками.

– Как же мне уже осточертели каждодневные вопли всяких придурков! А тебе, Камешек? Тоже? – поинтересовался Марк у серого булжника, стоявшего на книжной полке и как бы заменявшего собаку или кошку. Отличный гранитный собеседник, никогда не перебивающий, не возражающий и со всем молча соглашающийся, согласился со своим хозяином и на сей раз.

Крики с улицы тем временем все продолжали доноситься, и никто из кричавших не желал уступить. Тогда тот, что побогаче, достал из багажника бейсбольную биту, а тот, что поопытнее – совковую лопату. Они, как первобытные дикари, приняв поистине воинственные позы, уставились друг на друга, после чего, медленно переставляя ноги, пошли по кругу, и каждый из них не сводил глаз с соперника. Смешное, забавное, глупое и бессмысленное зрелище! Два неандертальца, окруженные каменными высотками, ходили кругами, побрякивая оружием в руках.

– Скопище тупиц! – плюнув из окна, Марк оглядел соседние дома, обступившие плотным кольцом его собственную панельку.

Сотни пыльных стекол в ответ поглядели на него. Сотни стекол, за которыми скрывались квартиры-клетки, квартиры-гробы. Квартиры, в которых говорили о пустом, делали пустое и думали о пустом. Квартиры, в которых жили пустые люди. Вот на балкон дома напротив выползла хрычовка, облаченная в глубокий неглиже. Она закурила и уставилась на Марка. Она пожирала его глазами, изрыгивая густой дым изо рта. Старая уродливая женщина, насквозь пропитавшаяся табаком и спиртом. От ее пристального взора Марку стало как-то не по себе, и он перевел взгляд вниз на тех, что барагозили по поводу стоянки. К ним присоединились еще четверо новеньких: трое тоже кричали, а четвертый снимал происходящее на камеру. Открытое безумие! В какой-то момент один из споривших пообещал проткнуть колеса чужой машины, на что незамедлительно получил ответную угрозу, которой Марк, к сожалению, не смог расслышать, поскольку в соседнем дворе заревели большие бульдозеры. Там с утра до вечера шла непрекращающаяся стройка очередного торгового центра. Перепалка мужчин закончилась так же стремительно, как и началась ранее. Марк еще раз плюнул и, чтобы не слышать панельных шумов, закрыл окно. Затем он прошел вглубь комнаты, разминая затекшую за ночь шею, пододвинул к столу стул и сел на него.

«Пора браться за дело».

Он достал блокнот, открыл первую страницу и принялся писать: «Толстяк. Цель номер один. Я отомщу за отца! Ото-

мщу за всех отцов и матерей, сгнивших на твоём чертовом заводе. Ты, толстосум, ответишь за каждую буханку хлеба, отнятую у бедняка. Ты будешь лежать в луже собственной крови и захлебываться, а я буду стрелять, стрелять, стрелять, не переставая».

Дописав предложение, Марк остановился. Мысль вдруг просто перестала идти. В голове установилась тревожная тишина, не предвещавшая ничего хорошего. Это как затишье перед бурей, и он, зная об этом, напряг все свои внутренние силы в ожидании худшего. Худшее не заставило себя долго ждать, и спустя миг раздался удар по батарее. Сердце Марка тотчас забилося с удвоенной скоростью, а внезапно ожившие мысли залаяли одна громче другой. Ситуацию срочно следовало брать под свой контроль, пока дело не стало совсем худо, и тогда он снял с книжной полки Камень, положил его на стол рядом с собой и принялся легонько постукивать по нему письменной ручкой. Это ему хоть как-то помогало в борьбе с мерзкой Девчонкой. Так тревога скорее отступала, и мысли скорее очищались от мрачной скверны. Очень скоро батарея замолкла, и тогда Марк, отстоявший свою психическую свободу в непростой и невидимой глазу обычного человека битве, принялся рассуждать вслух.

– Толстяк – директор металлургического завода. Завод расположен в Бедняцком Квартале, но сам Толстяк там, я уверен, практически никогда не бывает. Он наверняка все время сидит в офисе в центре города, откуда и ведет все свои

дела. Там я его и застану. Надо будет к нему...

Дальнейшие размышления прервал внезапно зазвонивший телефон. Марк вздрогнул, затем захлопнул блокнот и поспешил в коридор, чтобы ответить на звонок.

«Вдруг это Макс по поводу оружия», – подумал он, поднимая трубку.

– Алло.

– Привет. Это Генри.

– Привет, Генри. Я тебя узнал. Как ты поживаешь, братишка? – радостно поприветствовал брата Марк.

– Хорошо... да, хорошо... у меня все хорошо...

– Рад слышать, что у тебя все в порядке. А у твоих друзей как?

– Хорошо... у них тоже, как и у меня, хорошо...

– Славно.

– Ты завтра наведишь меня? Врачи разрешили тебе приехать.

– Конечно! Обязательно!

– Хорошо... это очень хорошо... я буду тебя ждать, Марк.

Пока.

– До завтра, Генри. Я обязательно к тебе заеду!

6

Марк приближался к дому скорби, в котором содержался его брат и другие вылущенные люди, затерявшиеся в пространстве и времени. Палая листва шумела под ногами, ветви черных деревьев качались на ветру, моросил мелкий дождь. Здание психлечебницы, издали кажущееся зловещим и мрачным, нагоняло тоску. Скорее всего, такое настроение отчасти складывалось из-за отвратительной осенней погоды, которая, в принципе, на что угодно может наложить свой скорбный отпечаток и превратить желтое в серое, красное в серое, голубое в серое. Одним словом обесцветить и лишить жизни даже самый прекрасный пейзаж. Марк остановился перед воротами и еще раз осмотрел здание. Три этажа, красный кирпич, решетки на окнах – скорбный дом. Тут обитали самые разные люди. Несчастливые и очень несчастные. Какие-то из них о своем несчастье даже не догадывались, и это в некотором роде было их спасением. Они не понимали, что чего-то лишены. Они не понимали, что должны пребывать в вечном отчаянии. Например, как пациентка по фамилии Куз., пятнадцать лет назад потерявшая мужа и годовалую дочку в результате несчастного случая, после чего утратившая всю память. Помимо того, что она потеряла все воспоминания, ее мозг перестал еще и фиксировать любую новую информацию, поступающую извне, так что каждый день она

рождалась заново, даже не догадываясь о том, что число подобных рождений давно уж перевалило за тысячу. Она всегда пробуждалась с улыбкой на лице просто потому, что не могла запомнить, что по «долгу службы» обязана просыпаться с тоскливой мрачной физиономией. Она ничего не могла запомнить. Она не узнавала медсестер, заходивших к ней утром в палату, не узнавала врача, не признавала собственное отражение в зеркале, свою постель, в которой себя обнаруживала, свои тапочки под кроватью. Стертая память являлась ее спасительным кругом, так что кровавым призракам из прошлого было никак до нее не добраться.

«Память о прошлом – проклятие», – подумал тогда Марк, перешагивая порог лечебницы. – «Если бы мой брат подобно другим пациентам тоже мог позабыть тот злополучный день».

Зайдя внутрь, он сразу направился к стойке регистрации, где в белом халате и чепчике сидела пергидрольная девушка.

– Здравствуйте, – поздоровался с ней Марк. – Я пришел к брату...

– О, это вы! Здравствуйте. Давненько вы нас не навещали.

– Дела...

– Понимаю...

– Я пройду?

– Минутку... – зазвонил телефон, и медсестра подняла трубку, произнеся дежурную фразу, которой отвечала на все входящие звонки. Она выслушала вопрос, уточнила ка-

кой-то момент, после чего перевела звонок на другую линию. Затем положила трубку и вновь обратилась к Марку. – У вашего брата теперь новый врач.

– Вот как?

– Да, Орлов Георгий Петрович. Он просил, что если придет кто-нибудь из родственников Генри, чтобы зашли к нему. Он бы хотел побеседовать.

– Без проблем.

– Его кабинет на втором этаже в конце коридора. Я ему сейчас наберу, предупрежу, что вы поднимаетесь.

– Георгий Петрович? – переспросил Марк.

– Да, – подтвердили губы, открытые улыбкой.

– Спасибо.

– Да не за что.

Марк прошел через коридор мимо приоткрытых дверей, из-за которых доносился телевизионный шум – некоторым пациентам разрешалось смотреть телевизор. По клочкам фраз, долетевшим до его слуха, он понял, что психически больные смотрят утреннюю программу новостей. Пациенты громко смеялись и что-то бурно обсуждали между собой, при этом совершенно не споря и, похоже, во всем соглашаясь друг с другом. В оценке утреннего «шоу» они были единодушны и единогласны – это смешно. Смешно до слез. Смешно до коликов в животе.

«Интересно, что конкретно их так рассмешило», – подумал Марк, подходя к лестнице.

У лестницы он встретил женщину в инвалидной коляске, похожую на одержимую демоном. Ее глаза вылезали из орбит, она щелкала языком и делала странные жесты, словно пыталась призвать сатану. Марк посторонился и пропустил ее, чтобы она, не дай Бог, не наслала на него какое страшное проклятие.

– Прошу, проходите... то есть проезжайте...

Он поднялся на второй этаж и лицом к лицу столкнулся с пареньком, которого уже неплохо знал. Тот все время проговаривал вслух разные считалки. Без них он не мог существовать. У него имелась определенная считалка для завтрака, для обеда, для ужина, для чистки зубов, а также для прогулки по больничному коридору. Вот он без остановки и считал, ударяя себя по носу указательным пальцем на каждый слог считалки. Марк поздоровался с ним, на что парень только кивнул и, чтобы не сбиться со счета, посильнее ударил себя по носу. Они благополучно разошлись в узком коридорчике и, пройдя несколько метров, Марк наконец-таки отыскал дверь с нужной ему табличкой: «Орлов Г.П.».

«Георгий Петрович вроде бы», – напомнил он себе, постучавшись в дверь. – «Хотя какая разница».

– Да-да, войдите, – донеслось из кабинета.

Марк вошел и сразу поздоровался.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Проходите, присаживайтесь. Вы Марк – брат Генри, верно?

– Да, это я.

– Приятно с вами познакомиться. Я Орлов Георгий Петрович. Новый лечащий врач Генри.

– Мне уже сообщили внизу.

– Замечательно. Тогда давайте сразу начнем с самого главного. Ваш брат... у него имеются еще какие-нибудь родственники в городе кроме вас?

– Бабушка. Но она не выходит из дома.

– Болеет?

– Вроде того.

– Она приходится бабушкой Генри по материнской линии?

– А это важно?

– В нашем деле любая мелочь важна.

– По материнской.

– Хорошо, – произнес врач, сделав записи в карте пациента. – Больше никого из родни?

– Никого.

– Простите... а мама ваша погибла в автомобильной аварии, так ведь?

– Да...

– И все стряслось прямо на глазах Генри?

– Да... его смогли вытащить из покореженного автомобиля, а мама осталась зажатой внутри салона. Она сгорела заживо.

– Так, значит, это после смерти мамы у Генри начались

проблемы с психическим здоровьем?

– Да, после случившегося он замолчал на полгода... полностью ушел в себя.

– А можете, пожалуйста, рассказать про вашего отца? – приготовившись записывать, поинтересовался Георгий Петрович.

– Папа трудился на металлургическом заводе, что находится в Бедняцком Квартале... работу в городе он найти не мог. Чтобы прокормить нас с Генри он работал в двойную смену, и даже не смотря на это денег нам все равно не доставало. Кроме того ему постоянно задерживали зарплату и лишали премий и надбавок без всяких на то причин. Отец попросту сгорал на работе, теряя здоровье... теряя вес. В какой-то момент он весил меньше пятидесяти килограммов. А в одно утро он просто не проснулся.

– И вы с Генри оказались в интернате?

– Да.

– Почему вас не забрала бабушка?

– Не знаю. Об этом лучше у нее спросить. Хотя меня в принципе это как-то никогда не интересовало, – признался Марк.

– У вас с ней плохие отношения?

– Я бы не сказал, что эти отношения вообще есть.

– Ясно. Что случилось дальше?

– У вас ведь наверняка написано об этом?

– Записи лишены всяких подробностей, которые порою

могут пролить свет на многие вещи. К тому же записанное часто отличается от действительного, – с сожалением заметил врач.

– Ладно, – уступил Марк. – Спустя полгода Генри попытался покончить с собой, но у него ничего не вышло... а затем он еще напал на воспитательницу с ножом и едва ее не прирезал. После нападения его определили сюда.

– Про попытку самоубийства я не знал. Видимо, он пребывал в крайнем отчаянии, – и в карте пациента была сделана какая-то запись. – А насколько сложно вы перенесли потерю родителей?

– Я бы не хотел об этом говорить. У вас еще имеются какие-нибудь вопросы касаясь брата? – поглядев на настенные часы, спросил Марк.

– Нет, но... подождите минутку... не уходите еще... – Георгий Петрович достал из стола лист бумаги. – Поставьте внизу, пожалуйста, свою подпись и инициалы.

– А что это?

– Там говорится о том, что вы даете согласие на то, чтобы Генри начал прием нового лекарства... экспериментального, так сказать.

– Оно ему поможет?

– Не можем знать наверняка, – честно ответил врач, – но должно. Будем на то надеяться.

– Ладно, – произнес Марк, быстро разобравшись с документом.

– Кстати, – припомнил Георгий Петрович. – Генри опять начал писать письма для мамы. Похоже, что текущее лечение ему не особо помогает, так что новое лекарство сейчас будет очень даже к месту.

– Вам виднее. Надеюсь, он в конце концов поправится.

– Обязательно. Вы сейчас к нему?

– Да.

– Хорошо. И насчет его писем... не пытайтесь открыть ему глаза на истинное положение дел, здесь необходим аккуратный подход.

– Я это и сам понимаю.

– Вот и славно. Ну, всего доброго.

– До свидания, – Марк выбрался из глубокого кресла и оставил кабинет.

– Привет, Марк, – радостно закричал Генри, зайдя в двери брата.

– Привет, братишка.

– А ты надолго?

– Пока не выгонят.

– Ха-ха-ха, – звонко рассмеялся Генри. – Хорошо ты шутишь... хорошо.

– Рассказывай, как у тебя дела.

– У меня все хорошо. И врачи говорят, что у меня все хорошо. Здесь у всех все хорошо. А еще меня пригласили на свадьбу.

– Правда? – присаживаясь на стул, искренне удивился Марк. – И кто же?

– Лиза из соседней палаты. Она выходит замуж за парня из двести седьмой.

– А персонал в курсе?

– Кто?

– Врачи в курсе?

– Нет, их решили не приглашать, иначе они испортят нам весь праздник. И не выйдет у нас никакого веселья.

– Это уж точно.

– У нас будут торты, сладости и вкусные напитки. Жаль, что тебя не пригласили на свадьбу.

– Ничего страшного. Главное, ты повеселись, – хлопнув брата по плечу, улыбнулся Марк. Уж лучше мир иллюзий, нежели мир суровой реальности, подумал он, вспомнив слова врача про аккуратный подход к обнажению истинного положения дел.

– А ты там у себя веселишься? – поинтересовался Генри.

– Стараюсь.

– А бабулю навещаешь?

– Нет.

– Почему?

– Не хочу выслушивать ее глупости.

– Какие?

– Да самые разные... преимущественно те, которые она слышала по телевизору.

– Нехорошо.

– Что именно?

– Что бабулю не навещаешь. Как я ей «привет» тогда передам, если ты к ней не заходишь? – огорчился Генри, и улыбка с его лица исчезла.

– Ладно, как-нибудь на днях я к ней обязательно загляну и передам твой «привет», – успокоил брата Марк.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Точно?

– Точно-точно.

– Хорошо... очень хорошо, – и сразу повеселев, Генри вдруг сполз на пол, встал на четвереньки и с головой залез в тумбочку, стоявшую у кровати, откуда очень скоро выбрался с целой охапкой мятых бумажных листов. – Хочешь посмотреть мои рисунки?

– Конечно! – откликнулся Марк.

– Вот, – и Генри протянул первый рисунок, на котором он изобразил большой ровный прямоугольник, закрашенный красным цветом. – Это машина горит.

– Машина? – неуверенно переспросил Марк.

– Ага, мне она во сне приснилась... вот еще, – и перед лицом Марка оказался второй бумажный лист, на котором был начертан овал, перечеркнутый множеством тонких линий.

– И что означает рисунок?

– Овал – это я. А линии – черви, и они меня едят, потому

что я умер.

– Такое лучше не рисовать.

– Почему?

– Плохой рисунок... то есть ты его хорошо исполнил, но в нем заключена негативная энергетика. Понимаешь?

– Не очень...

– Ну, вот почему ты решил нарисовать себя мертвым?

– Мне это тоже приснилось... что я лежу в земле, и по мне ползают черви. Много червей. И так щекотно от них стало, что я даже проснулся.

– Понятно... а вот тут ты что изобразил? – Марк показал на четыре круга, над одним из которых стоял крестик.

– Нашу семью. Папа ведь умер... и это нехорошо.

Больше Марк ничего уточнять не стал.

«Удивительно... и все же он позабыл о дне аварии. Какое счастье, что он сумел-таки забыть тот злополучный день».

– Приемный час окончен, – объявила медсестра, прошедшая по коридору, так что Марк вздрогнул, и мысль его тут же улетучилась.

– Вот меня и выгоняют.

– Ха-ха-ха! Я так не умею шутить, как ты, – снова рассмеялся Генри и, завидев, что брат действительно засобирился, добавил, – подожди!

– Что такое?

– Я написал для мамы письмо. Ты его отправишь ей по почте?

- Обязательно.
- Спасибо, – широко улыбнулся Генри.
- Ну, я пошел. Пока, братишка.
- Пока, Марк. Ты ко мне еще придешь?
- Конечно. Ведь у меня больше никого нет кроме тебя.
- И привет бабуле не забудь передать.
- Само собой.

Почти всю ночь Марка мучили кошмары. Одни жуткие образы, возникавшие в его сознании, сменялись другими, не давая никакого отдыха. Одни хищные мысли, вгрызавшиеся ему в голову, чередовались с другими, не давая никакой передышки. Ему против собственной же воли приходилось считаться с ними, ведь как можно не принять во внимание то, что насильно влезло в твою черепушку и во всю мочь заявило там о себе. В голове стоял шум, гул, и то и дело вспыхивали яркие картинки.

Сперва Марк увидел горящий автомобиль, затем разглядел мать, зажатую внутри машины. Языки жаркого пламени съедали ее тело, и он никак не мог ей помочь. От бессилия он почти что заплакал. Очень скоро автомобиль сгорел, превратившись в сплошные черные угли. Где-то среди них остались и угольки его матери. Не желая больше наблюдать данную картину, Марк зажмурился. Зажмурился, не понимая того, что пребывает во сне, и вдруг услышал шаги. К пепелищу подошел какой-то человек. Это был Генри. По рукам брата, лицу и одежде ползали черви. Даже в его густых волосах эти отвратительные создания умудрились обустроить себе жилище – там они кишмя кишели. Марк снова закрыл глаза и, что было сил, постарался прогнать жуткий образ. Вот Генри расплылся на миллиард частиц, черви рас-

творились вслед за ним, а пепел разнес ветер, и в сознании наконец образовалась умиротворяющая пустота. Но не бывает так, чтобы на пустое место не приползла какая-нибудь новая скверная мыслишка. Марк всем своим существом силился не допустить возникновения нового кошмарного образа, и, тем не менее, в темноте уже вырисовывались мрачные трубы металлургического завода, на котором когда-то трудился его отец. Сам папа, худой, высохший и бледный, успел появиться лишь на секунду, и на него тут же обрушился гигантский мощный кулак Толстяка, непонятно откуда здесь взявшегося. Толстяк смеялся и курил толстую сигару. Его толстые щеки тряслись от смеха, и сам он трясся, как ослизлый студень. Не пришлось долго ждать, как вокруг него собрались и остальные. Старик. Брюнетка. Мрачный Человек. Даже Девчонка забралась в это сновидение... и тут Марк услышал батарейный звон.

Он тут же проснулся, подскочил в своей кровати и осмотрелся кругом. В комнате стояла гробовая тишина. За окном лил дождь.

– Что, Камешек, тоже не спится? Тоже мучают кошмары? – спросил Марк, посмотрев на Камень, едва заметный в темноте. – И снова дождь, – вздохнул он, переведя взгляд на окно. – Когда это уже наконец прекратится, не знаешь? Если никогда, то уж лучше пускай наша планета поскорее сгорит в ядерном пламени. Невыносимо жить, когда с неба бесконечно льет, как из ведра. Невыносимо жить, когда... – и не

успел Марк завершить начатую мысль, как ее вдруг зажевало, и она заела на одном моменте.

«Невыносимо... невыносимо...»

Неотвязная мысль бомбардировала разум раз за разом, как тяжелый бомбовоз – мирный город при каждом новом авианалете. В голове рвались снаряды, и там воняло гарью. А еще там пахло нескончаемым дождем. Уже хорошо зная, как подавлять подобные мысленные бунты, Марк поднялся с кровати, взял со стола ручку и принялся легонько постукивать ею по Камню – своему спасительному оберегу. Почти сразу бомбовоз заглох и рухнул где-то на окраине сознания. И в голове снова установились мир и порядок. Марк выдохнул и, возвратив ручку на место, произнес:

– Раз уж мы все равно не спим, то и солнце могло бы поторопиться с восходом. Чего уж тянуть, как считаешь?

Но время шло медленно, ни под кого не подстраиваясь. Марк успел побродить по комнате, посмотреть в окно, посидеть за столом, а когда ему все это наскучило, то лег в кровать и на минутку прикрыл глаза. Так и не дождавшись восхода солнца, он заснул крепким сном, и под утро ему приснилось чудеснейшее сновидение.

Ему приснилось, будто бы настал новый день, и будто бы он проснулся в черной, как сажа, кровати посреди черной комнаты, все стены и мебель которой тоже были черными. Затем он поднялся с постели, подошел к черному окну и увидел, что ветер разносит по черной улице черный пепел. Пе-

пел заживо сгоревшего мира. И вдруг ему стало легко и спокойно на душе, ведь не осталось больше на всем белом свете ни одного мерзавца. Ни Толстяка, ни Старика, ни Брюнетки, ни Мрачного Человека. Никого! И даже Девчонка перестала существовать. Лишь руины и пепел напоминали о том, что когда-то здесь водился уроборос.

Из истории пациента.

Врач. Вам снятся сны?

Марк. Да.

Врач. Это хорошо. Что приснилось в последний раз?

Марк. Огромный великан, который имел сто голов с огненными глазами. Некоторые его головы рычали, как львы, другие выли подобно волкам. Он бежал, куда хотел, все круша на своем пути. Он легко ломал толстые деревья, будто это были тонкие тростинки, топтал и калечил людей, разбирая их жилища на части и при этом постоянно глядел на меня. Затем он пошел в мою сторону, но сон внезапно оборвался – я проснулся.

Врач. Сможете нарисовать великана?

Марк. Нет.

Врач. Почему?

Марк. Я не умею рисовать.

Врач. А что умеете?

Марк. Ничего.

Врач. Совсем ничего?

Марк. Совсем.

9

Ночной мрак постепенно редел и сменялся полумраком серого дождливого утра. Настал еще один день.

Марк с неохотой выбрался из-под одеяла и подошел к окну. Там все то же: люди, вновь спорившие из-за стоянки; разный мусор и грязные желтые листья на мокром асфальте. Машины, жильцы, непогода. Марк даже не стал открывать окно, поскольку уже знал, что услышит. Ругань жильцов, завывания ветра, грохот коптящих бульдозеров. Шумы и виды типичного панельного двора.

Затем Марк прошел в ванную, чтобы умыться. Сегодня он собирался отправиться в центр города, чтобы записаться на прием к Толстяку, так что следовало привести себя в порядок. Он склонился над раковиной и плеснул в лицо холодной водой, после чего посмотрел в зеркало и скривил рожицу.

«Ну, и физиономия», – подумал он, беря тюбик с зубной пастой.

Он почистил зубы, причесался, вышел из ванной и погасил свет.

Марк выбрался на улицу и тотчас оказался в окружении многоквартирных высоток. Эти огромные заводы, перерабатывающие людей в труху и кости, вздымались до самых небес. Их черные подъездные пасти, не зная отдыха, каждый

месяц принимали новые коляски с новорожденными, взамен выплевывая новые гробы со сморщенными усохшими стариками. Процесс этот был хорошо отлажен и давно поставлен на поток. Вот и сейчас из одного подъезда вынесли здоровенный гроб. Шесть человек, похожих на муравьев, тащили его к автобусу, другие плакали или просто наблюдали за работой грузчиков. Марк происходящее ничуть не заинтересовало, ведь он и понятия не имел, кто там умер. Кто именно из тысячи его соседей? Так что он просто накинул капюшон и пошел прочь от панельных гигантов к автобусной остановке.

Почти сразу к остановке подкатил длинный зеленый автобус, из каждого окошка которого глядело бледное лицо. Марк забрался в транспорт – одним чахлым лицом стало больше. Чтобы ему никто не мешал, он прошел в самый конец салона и плюхнулся на свободное сиденье, после чего достал из внутреннего кармана куртки письмо Генри, предназначавшееся для умершей матери. Немного подумав, он порвал бумажную оболочку и вынул аккуратно сложенный пополам лист.

«ПРИВЕТ МАМА. ЭТО ГЕНРИ. У МЕНЯ ВСЕ ХОРОШО. А КАК У ТЕБЯ ДЕЛА? ВРАЧИ ГОВОРЯТ ЧТО СКОРО МЕНЯ ВЫПИШУТ. ТОГДА Я СМОГУ К ТЕБЕ ПРИЕХАТЬ. ТЫ МНЕ ПОКАЖЕШ СВОЙ ДОМ. НАВЕРНО ОН ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ И ХОРОШИЙ. И КРАСИВЫЙ. ИНОГДА Я ЕГО РИСУЮ. ИНТЕРЕСНО КАКИМ ОН ОКАЖЕ-

ЦА НА САМОМ ДЕЛЕ? У МАРКА ТОЖЕ ВСЕ ХОРОШО. ОН МЕНЯ ИНОГДА НАВИЩАЕТ. А НА СЧЕТ БАБУЛИ НЕ ЗНАЮ. ОНА КО МНЕ СОВСЕМ НЕ ПРИХОДИТ. ЖАЛЬ ЧТО ТЫ В ДРУГОМ ГОРОДЕ И ТОЖЕ НЕ МОЖЕШ ПРИТИ. НАМ БЫЛО БЫ ХОРОШО В ДВОЕМ. И ВЕСЕЛО. А ЕЩЕ У НАС В БОЛЬНИЦЕ СКОРО БУДИТ СВАДЬБА. ТОЛЬКО ВРАЧИ ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЮТ. НО ИМ И НЕ НАДО ТАКОЕ ЗНАТЬ ИНАЧЕ ОНИ ВСЕ ИСПОРТЯТ. ЛАДНО МНЕ НАДО ИТИ. МЕНЯ ЗОВУТ. ПОКА. ТВОЙ ГЕНРИ».

Марк откинулся на спинку сиденья и съежился, чтобы никто не увидел его слез.

«Пускай лучше так... пускай лучше считает, что она жива. Пускай лучше думает, что когда-нибудь сможет ее увидеть. Даже самая прозрачная надежда будет лучше мрачного отчаяния», – подумал он, и в голове его сразу же возник образ заживо сгоревшей матери.

По салону как будто потянуло гарью. Марк в тревоге огляделся, но никто из пассажиров, похоже, не ощутил странного запаха.

«Совсем уже схожу с ума».

А затем к образу матери добавились образы умершего от истощения отца... и брата, лежащего в могиле и покрытого сотней червей. Марк испугался того, что залезло к нему в черепушку, и нелепо зашевелил губами, попытавшись отогнать паразитарные и высасывающие из него всю энергию мысли.

Он вел баталию с собственным же разумом, но, как и всегда, сильно уступал в этой битве. Кошмарные мысли не слушали никаких уговоров и угроз и преспокойно продолжали бомбардировать сознание своей жертвы. Колдобина за колдобиной. Выбоина за выбоиной. Автобус катил по мокрым улицам серого города, а Марк отчаянно сражался, пытаясь защитить границы своего сознания. Страшные видения рассеялись лишь тогда, когда автобус подъехал к нужной остановке.

На подходах к стоэтажному офисному зданию было черно от офисного планктона и маркетинговых муравьев. Люди с портфелями под мышками, с зонтами над головами, в деловых костюмах и с пакетами фастфуда в руках безостановочно сновали туда-сюда. Взору Марка предстал настоящий паноптикум причудливых существ, для которых во всем целом мире не существовало ничего, кроме сплошной работы. Лавируя в людской толчее, он подобрался к зданию из голубого стекла. Оно немедленно проглотило его, и он, оказавшись внутри, ощутил прескверный запах... какой-то чересчур стерильный и пластмассовый. Запах, которому не доставало глубины и яркости.

«И вот этим они здесь дышат на протяжении целого дня?» – ужаснувшись, подумал Марк.

Отыскав глазами нужную стойку регистрации, он направился напрямиком к ней.

– Здравствуйте, – поздоровался Марк. – Я бы хотел попасть на прием к директору металлургического завода.

– Как зовут? – не поднимая головы, тихо спросила секретарша.

Марк не расслышал, о чем его спросили, а потому просто кивнул и на всякий случай добавил:

– Да.

– Что «да»? – оторвав глаза от журнала, переспросила женщина.

Он замялся и не нашелся, что сразу ответить. Тогда она повторила свой вопрос.

– Как зовут?

– Меня?

– Ну, не меня же!

– Марк.

– Вы записаны на прием?

– Нет, но я бы...

– Тогда ничем не могу помочь, – и она снова уставилась в журнал.

– Но я бы хотел записаться.

– А по какому вопросу вы вообще пришли?

– Я... я...

– Да-да, вы! По какому?

На миг установилась шумная тишина: шумел лифт, у кого-то звонил телефон, за окном на улице редела автомобильная сигнализация, а Марк тихонько размышлял, наспех про-

буя на вкус разные ответы. Наконец, спустя пару секунд, он подобрал нужный.

– Меня прислали от профсоюза рабочих.

– Опять какие-то проблемы?

– Верно, – неуверенно кивнул он.

– Не надоело вам еще самим ходить да жаловаться?

– Нет.

– Плохо, что «нет», потому что я ничем помочь не могу.

– Но на прием-то попасть...

– Ничем помочь не могу, – холодно повторила секретарша.

– Рабочие собираются писать жалобу в инспекцию труда.

– Пускай пишут.

– Вы не понимаете, дело серьезное. На заводе случился несчастный случай, и пятерых человек сильно покалечило. Начальник цеха постарался замять это дело, но рабочие негодуют. Так что это лучше обсудить с директором.

– Сами на месте не решите?

– Боюсь, что без директора никак не получится.

– Ладно, – тяжело вздохнув, ответила секретарша. – Его сейчас нет на месте и завтра тоже не будет, но я могу записать вас на следующую неделю. Потерпят ваши работнички?

– Да, спасибо.

– Когда придете, можете сразу подниматься на тринадцатый этаж, там вас сориентируют.

– Хорошо, еще раз спасибо. До свидания.

– Всего доброго.

«Ну, вот и все, заберу у Макса автомат и дело в шляпе», – решил Марк, покидая стоэтажную громадину.

Октябрьский дождь лил уже много дней подряд. Промокший почти насквозь, Марк стоял в темном подъезде и держал палец на звонке. Наконец дверь отворилась, и на пороге показался улыбающийся Макс.

– А мы как раз тебя дожидаемся!

– «Мы»? – уточнил Марк.

– Не поверишь! Ко мне Черепаха в гости заехал.

– И в самом деле, что-то невероятное, – проходя в прихожую, проговорил Марк.

– А вот и наш дружище собственной персоной! – из гостиной выполз расфранченный Черепаха. В нем с легкостью читалась семейная жизнь: жена, ребенок, кредиты. Чрезвычайно исполнительный и всегда готовый служить на благо своей фирмы, он даже в свободное от работы время носил на груди бейдж.

– И как это тебя отпустила твоя благоверная? – воскликнул Марк, завидев старого приятеля.

– Она к матери уехала... на семейное торжество.

– А тебя, выходит, оставили?

– Я ж работаю.

– Точно, все время забываю об этом.

– Ладно, давайте на кухню, – позвал всех Макс. – У меня целый холодильник выпивки.

Они сидели за столом и пили...

– И как тебе в новой квартире? – поинтересовался Макс. – После съемной-то комнаты, наверное, точно в царские хоромы перебрался?

– Точно! – согласился Черепаха, широко улыбнувшись. – Просто небо и земля!

– И на сколько лет ипотека?

– Двадцать.

– Двадцать? – Марк чуть не поперхнулся, услышав это. – С ума сойти! На протяжении двадцати лет только и думать, что о деньгах, да о выплатах!

– Пустяки, – отмахнулся Черепаха. – Моя фирма надежная, и вообще в следующем месяце меня повысят, так что я думаю еще и машину взять. И жена также думает.

– Да ты, дурачье, даже расплатиться за все это не успеешь, как вы уже вместе жить не будете.

– Поаккуратнее с языком, – погрозил кулаком Черепаха, раскрасневшийся и уже изрядно пьяный. – И вообще жена ко мне относится как к богу.

– Не сомневаюсь. И что она у тебя выпрашивает? О какой очередной безделушке молит?

– Ни о какой!.. вы... да вы просто мне завидуете, два жалких неудачника, – гордо отчеканил Черепаха, после чего делано расхохотался во весь голос. – Жалкие неудачники! Даже работу найти не можете!

– Да не ори ты, как альбатрос, – возмутился Марк.

– А как орет альбатрос?

– Как осел.

– Хм, – словно что-то припомнив, произнес Макс. – А знаете, чей еще крик напоминает ослиный?

– И чей же?

– Пингвинов.

– Откуда знаешь?

– По ящику видел. Они вот так орут, – и Макс тоже заголосил во всю мочь.

– Да не орите вы! Я глохну от вашего ора, – негодовал Марк.

Его друзья еще некоторое время покричали, посмеялись, а когда совсем выдохлись, налили себе по стаканчику и выпили.

– А читали последние новости? – поинтересовался Макс, утерев выступившие от смеха слезы и поглядев на товарищей.

– Мне некогда, – признался Черепаха. – Весь в делах.

– А я их вообще не читаю, – ответил Марк.

– Эх! – отчаянно махнул рукой Макс. – Короче... вчера за городом на железной дороге нашли чьи-то отрезанные ноги. Ноги есть, а тела нет! Представляете?

– Это как? Куда тело без ног могло подеваться? – опоражнивая стакан, спросил Марк.

– Может, на руках уполз? – предположил Черепаха.

– А ты попробуй на одних руках уползи! Далеко ли получится?

– Вряд ли.

– Да и зачем куда-то уползать, если тебе отрезало ноги? Помощи следует дожидаться.

– Так а если поблизости никого нет? Вот человек и уполз за подмогой.

– Глупости!

– Тоже думаю, что глупости, – высказался Макс. – К тому же полиция прочесала весь район и никого не нашла.

– Так а какая официальная версия?

– Предполагают, что кто-то из больничного персонала так развлекается, подбрасывая на пути ампутированные конечности. Ведь похожее уже случалось и ранее. Помните, как месяц назад на нашей железнодорожной станции нашли отрезанные ноги?

– Не помню. Говорю ж, мне некогда следить за новостями, я все время в работе, – пробурчал себе под нос Черепаха.

– А я и вовсе их не читаю, – напомнил Марк.

– Эх! – снова махнул рукой Макс. – Короче... о чем это я... ах, да... случалось, в общем, и раньше такое, так что это просто кто-то развлекается.

– Неплохие у кого-то развлечения, ноги налево и направо разбрасывать, – улыбнулся Черепаха.

– А что, если в городе орудует серийный маньяк? – предположил Марк. – Кого он выбирает в качестве своих жертв,

интересно. Ноги мужские или женские были?

– А ты попробуй разбери, чьи они! Ноги разные бывают... и у баб, и у мужиков... тем более что, как сообщили, ноги с гангренами все... так что да, наверняка больничные.

– Ну, раз больничные, то и ладно. Спокойнее будет ходить по улицам города, – заключил Черепаха.

– Это точно! – Макс убрал со стола пустую бутылку и достал из холодильника новую. – Ну что, еще одну?

– Да-да... конечно... – раздалось в ответ.

– А про бабу, которая прирезала мужа за то, что он слишком громко храпел, слышали? – поинтересовался он у товарищей.

– За то, что храпел? Шутишь что ли? – не поверил Черепаха.

– Вчера в новостях показывали, я вам зуб даю.

– Не слышали... рассказывай...

– А что тут собственно рассказывать? Спал себе мирно мужичок, никого не трогал, да вот только храпел уже третий месяц подряд... ну, со слов самой жены естественно. Также с ее слов выходило, что он это делал специально, чтобы мешать ей. Хотел как будто таким образом выжить ее из квартиры, чтобы привести в дом новую женщину. Она типа даже знала, какую именно. Накручивала, накручивала себя, вот нервы однажды у нее и сдали, и когда муженек в очередной раз захрапел на всю квартиру, она принесла с кухни нож и убила его. Затем как ни в чем не бывало легла спать. А на

утро сама вызвала полицию и скорую. Вот так! Похоже, что бабы нынче совсем рехнулись, так что ты, Черепаха, поосторожнее там, – и Макс с ехидной улыбкой поглядел на друга. – А то вдруг твоя тоже решит тебя прирезать?

– Чепуха! – замотал головой Черепаха. – Моя относится ко мне, как к богу!

– Да-да, мы помним.

– А вообще, – выдержав некоторую паузу, начал Марк, – я таких психов под целую сотню во дворе своего дома каждое утро вижу.

– В дурдоме что ли живешь?

– Почти.

– Или ты прописался к брату в психушку? – уже плохо соображающий от выпитого алкоголя Черепаха отпустил не самую удачную шутку, после чего громко рассмеялся. Вслед за ним загоготал и Макс.

– Все, устал я слушать ваш галдеж. Пойду лучше прилягу.

И Марк ушел в другую комнату... и закрыл дверь... и включил там телевизор. По ящику передавали вечерний выпуск новостей. Марк лег на диван. Он лежал, накрывшись покрывалом, и краем уха слушал телевизор. Журналистка вела репортаж о госте из будущего.

«...пришелец из будущего, назвавшийся именем Ной. Ной утверждает, что прибыл в наше время из 2213 года и ему необходимо увидеться с президентом страны, чтобы сообщить о страшной надвигающейся угрозе. Все дело в том,

что люди, как заверяет сам гость из будущего, очень скоро утратят свою независимость и превратятся в рабов, а их полноценными хозяева станут... и чтобы этого не допустить, надо...»

Марк проваливался в сон и то и дело терял нить повествования. То, что он слышал, казалось ему полным бредом. Теперь он даже начинал понимать, почему с новостей так задорно смеялись психи, содержащиеся в психлечебнице вместе с Генри. Так и не дослушав репортаж до конца, Марк ненадолго прикорнул.

– Ты что ли спишь? – в комнату вошел Макс. – Ехать надо! Собирайся!

– Куда? – протирая глаза, недовольно буркнул Марк.

– За автоматом. Или ты уже передумал брать?

– Я думал, он тут... у тебя.

– Нет, я еще не забирал. Сейчас за ним поедем.

– На ночь глядя?

– Никакая еще не ночь!

– Я себя плохо чувствую.

– Недалеко ехать... собирайся, иначе уйдет заказ.

– Ладно... а где Черепаха?

– Домой отправился.

– Хм, – хмыкнул Марк. – Его жена, наверное, и не догадывается, что ее вышколенный муженек способен напиться до такого свинского состояния.

– Ты тоже неважно выглядишь.

– Знаю... и чувствую себя также, так что, быть может, в другой раз?

– Нет-нет... заказ уйдет и все... я серьезно. Идем, пару станций всего проехать.

– Хорошо. Так-то я готов, в туалет только схожу.

Вся поездка в метро прошла, как в тумане. Перед глазами сменялись лица, спины, темные силуэты. Руки, портфели, зонты. Улыбки, желтые зубы, очки. Шляпы, лысины, жирные грязные волосы.

– Кого-то она мне напоминает, – вдруг раздался голос в левом ухе Марка.

– Кто? – он открыл глаза.

– Вон та! – и Макс кивнул в сторону. – А тебе никого не напоминает?

– Нет.

– Ну, я имею в виду по лицу.

– Да я понял, что по лицу. Что еще можно иметь в виду, говоря о сходстве?

– Ну, я часто имею в виду задницу, например. А ты разве нет?

Марк, ничего не ответив, рыгнул и снова закрыл глаза. Его замутило. Макс же все продолжал гадать, на кого похожа случайная незнакомка, но Марк ничего не слышал. Не слышал того, как объявили станцию. Затем еще одну... и

еще. И не помнил толком, как они вышли из вагона. И снова темные силуэты. Снова недовольные мрачные физиономии. Снова руки с зонтами и портфелями. Переходы, ступеньки, эскалатор. Наконец они выбрались на улицу, на свежий воздух. Как и всегда, на поверхности шел непрекращающийся дождь. Марку чуть полегчало. Макс закурил и, с кем-то предварительно созвонившись, повел друга темными переулками. Очень скоро они добрались до нужного дома.

Сделка прошла удачно, быстро и без всяких проблем. Автомат лежал в спортивной сумке, которую Марк теперь нес под мышкой.

– Сумка в подарок, – это все, что он запомнил с этой встречи.

Когда он вернулся к себе домой, то, не раздевшись и не почистив зубы, сразу забрался в кровать.

И завершился еще один день.

Сегодня Марк, как и обещал брату, решил навестить бабулю... к тому же у нее можно было бесплатно поесть. Он поднялся пешком на седьмой этаж, – лифт как всегда не работал, – и нажал на дверной звонок. Почти сразу дверь отворилась.

– Ой! – радостно воскликнула старушка, завидев внука. – Какой замечательный сюрприз! Проходи скорее, не стой на пороге, – и она поцеловала его в щеку.

Оказавшись в прихожей, Марк услышал, как в гостиной жужжали телевизионные голоса. Оттуда лились искусственный смех и дебиловатая музыка.

– Тебе, кстати, от Генри «привет», – раздеваясь, припомнил он.

– Ой, как приятно. Большое спасибо. Как он поживает? Ты его видел?

– Да... у него все хорошо.

– Рада за него... очень рада... ну, проходи в зал.

Марк повесил куртку и прошел в гостиную. Бабушка, как оказалось, принимала гостей. На диване сидела девчушка лет одиннадцати, которую он никогда прежде не видел. Когда он вошел в комнату, она развернулась вполоборота, поздоровалась с ним, после чего вновь вперилась в телевизионный ящик, по которому в прайм-тайм крутили какую-то

очередную дрянь. Марк сел рядом. Учув приторно сладкий цветочный запах, разливавшийся по всей комнате, он невольно поморщился.

«Бабуля что ли опять купила этот омерзительный освежитель воздуха? Дерьмо, а не запах».

– Марк! – вдруг донеслось с кухни. – А подойди-ка на секундочку.

– Иду, – и он поднялся с дивана, и прошел к бабуле. – Что ты хотела?

– Голодный, наверное?

– Немного, – честно ответил Марк.

– Вот, перекуси, пока я картошку доделаю. И отнеси в зал, пусть девочка тоже перекусит.

– А кто она такая, кстати?

– Дочь моей соседки с верхнего этажа. Мамка-то ее вышла замуж за очередного молодого кавалера, прескверного малого как по мне, – добавила старушка шепотом. – И теперь вот супружеская чета укатила на целую неделю в свадебное путешествие. А меня попросили приглядеть за ребенком... деньги оставили, так что мне и грех жаловаться. К тому же с ней мне не так скучно, как одной бывает.

– А больше что ли некому присмотреть?

– Выходит, что некому.

– Ясно, – Марк взял со стола поднос, на котором лежали нарезанные квадратики белого хлеба, намазанные сливочным маслом и завершенные кусочками сыра, и поспешил по-

скорее обратиться с душевной кухни.

Он торжественно внес угощение в гостиную.

– Мои любимые мини-бутербродики, – радостно воскликнула девчушка, завидев поднос с вкуснятиной. Она схватила первую попавшуюся тартинку и, не успев даже поднести ко рту, случайно уронила ее на пол, испачкав бабушкин ковер. – Ой! – испуганно произнесла она.

– Бутерброды всегда падают маслом вниз, это из-за смещения центра тяжести. Все дело в масле и сыре...

– Мне теперь влетит, – словно не слушая Марка, прошептала девочка.

– Пустяки, – он поднял хлеб и кусочек сыра, отскочивший в сторону, подул на них, после чего закинул себе в рот, а масло, приставшее к ковру, растер ногой, так что от пятна не осталось и следа. Девочка, увидев, как ловко разрешилась проблема, рассмеялась и потянулась за новой тартинкой.

– А как тебя зовут? – спросила она, принявшись уписывать угощение за обе щеки.

– Марк. А тебя?

– Стекляшка.

– Странное имя выбрала тебе мама.

– Я сама себе его выбрала.

– Да? И что оно означает?

– То, что я прозрачная. Непонятно что ли?

– Это как?

– Меня никто никогда не замечает и не видит.

– Я-то тебя вижу.

– Ты не в счет... вот мама никогда на меня не обращает внимания, постоянно в делах или со своим новым мужем, так что я всегда сама по себе... и в школе точно также.

– И тебя это огорчает?

– Уже нет, привыкла.

– А вот и я, у меня все готово, – в комнату вошла бабуля, неся поднос с тремя тарелками. В гостиной сразу установился аромат картофельного пюре и жареных котлет. Марк с удовольствием потянул носом воздух, цветочный запах наконец-таки отступил на второй план. – Компот еще на кухне остался. Полина, принесешь, пожалуйста?

– Я Стекляшка! Стекляшка! – запротестовала девочка.

– Да-да... Стекляшка, принесешь, пожалуйста, компот? – исправилась старушка, после чего обратилась с вопросом к внуку. – Как у тебя дела, Марк? Чем занимаешься?

– Как обычно... ничем.

– Ты нашел работу?

– Пока еще нет...

– Вот компот! – и Стекляшка поставила на стол две желтые кружки и одну синюю.

– Спасибо, – поблагодарила ее бабуля. – А ты слышал, Марк, что сегодня по телевизору сказали? За один только этот год было создано более миллиона новых рабочих мест! Не понимаю, почему ты ничего не можешь найти, ведь стране нужны самые разные специалисты. И зарплаты очень до-

стойные платят.

– Да-да, все так, – жуя котлету, кивнул Марк.

– Так в чем тогда дело?

– Не знаю... я скоро что-нибудь обязательно найду.

– А на что ты сейчас живешь?

– У меня еще остались кое-какие сбережения, – соврал он, отлично помня, что заложил уже почти все сколь-нибудь ценные вещи в ближайшем к дому ломбарде.

– Но нельзя ж так всегда жить? Надо подумать и о будущем... о пенсии в конце концов.

– Да-да, все так, ты снова права.

– Очень вкусно, – стуча вилкой по тарелке, объявила Стекляшка.

– Рада, что тебе понравилось, – улыбнулась старушка. – А тебе как, Марк?

– Супер!

– А Генри в больнице хорошо питается? – поинтересовалась она.

– Думаю, что да. Я от него никогда не слышал жалоб. Его лишь огорчает, что ты его совсем не навещаешь.

– Но ты ведь знаешь, что я не могу. Мне очень тяжело ходить. Хотя по телевизору вот передали, что в скором времени в нашем городе запустят бесплатное такси для пенсионеров с социальными работниками, которые помогут и из дома выйти и обратно зайти. Чудно будет, не правда ли?

– Не то слово...

– Кстати, Марк...

– Да... что?

– Сводишь По... то есть Стекляшку завтра в цирк, она очень хотела. Я даже не знала, кого попросить можно об этом, но раз ты так удачно сегодня зашел в гости, то почему бы тебе не выручить меня?

Марк сделал пару глотков, поставил кружку на стол и ничего не ответил.

– Ты ведь все равно без дела сидишь? А я дам вам денег на билеты, еще и тебе останется, – продолжала напирать старушка.

«А это уже лучше», – подумал он и все равно сохранил молчание.

– Пожалуйста! Пожалуйста! – затрепала его за рукав кофты Стекляшка. – Я давно мечтала сходить, а не с кем. Пожалуйста!

– Ну же, Марк... ребенок просит.

– Хорошо, – наконец сдался он.

– Ура! – закричала Стекляшка.

– Спасибо тебе, Марк, – поблагодарила его бабуля.

Ночь. Непроглядная, холодная, ветреная. Его снова разбудил батарейный звон. Теперь даже во сне Марк не находился в безопасности. В голову в любой момент могла залезть какая угодно дрянь. Любая мысль, даже самая безумная; любая идея, даже самая глупая. Залезть, встряхнуть, разбудить, вывести из равновесия.

«До чего ж мерзкая Девчонка! И когда она только угомонится? Маленькая дрянь... и до чего у нее бестолковые родители, раз не смогли нормально воспитать своего ребенка. Куда это годится, чтоб без усталости колотить другим людям по мозгам?»

Он открыл глаза, перевернулся на правый бок и посмотрел на фосфоресцирующие стрелки, показывавшие два часа ночи.

– Покой мне только снится, – в бессильной злобе простонал Марк.

А в голове снова мысли о Генри. О несчастном одиноком Генри, которого никто не замечает... которого почти никогда не навещают.

«Он там совсем один среди жутких психов, а все это так воспринимают, будто так оно и должно быть», – лежа в кровати, размышлял Марк.

Навязчивая мысль о брате не желала отступить, а потому

он все прокручивал и прокручивал ее, снова и снова, пока совсем не устал и не выдохся. Необходимо было отвлечься, переключить внимание на что-то другое. Тогда Марк поднялся с кровати и подошел к окну. А за ним холодная ночь, освещенная фонарями улица, огромные лужи и ни одной живой души. Водяной ливень колотил по подоконнику, черные окна соседских домов, словно бесовские очи, мрачно глядели на Марка. А он смотрел на них и изо всех сил старался думать о людях, живущих за ними, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о брате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.